

Душевный непокой, или Суета вокруг кровати

Ирина Рейн

- Растение! Ну твою же мать! - емко выдала Ирина. И потыкала свернувшийся на циновке клубок носком кроссовка - не столько злобно, сколько озадаченно. Клубок желания распутаться и обернуться симпатичной девушкой никак, паршивец, не проявлял, а с простынями Ри общаться умела плохо. И вообще, простыни частенько вызывали сугубо мерзопакостные ассоциации.

Когда к Ирине подселили соседку, как быстро выяснилось, с тараканами в голове - Рейн сперва хотела идти к мастерам, бззить и доказывать, что два рассадника членистоногих (или чьими там адептами эти насекомые считаются?) на одну комнату будет явным перебором. Потом успокоилась и решила, что её, Рейн, личные тараканы всё равно в плане буйства и самозащиты всем остальным лапчатым дадут добрую сотню очков вперёд, поэтому сильно можно не переживать. В любом ядерном взрыве рыжая выживет.

А когда выяснилось, что у достаточно вялой и аморфной соседки тараканы в башке хоть и тихие, но на свой лад забористые и креплёные, устраивать скандал с переселением было как-то непростительно поздно.

- Ну морда же ты ирландская, слыыышь! - с отчетливым страданием в голосе повторила Рейн. И, присев рядом с циновкой на корточки, обеими руками принялась трясти упрятавшуюся в простыню Райан. - Вылазь наружу, умоляю! Честное слово, смотреть на тебя невозможно! У меня стойкое ощущение, что это я тебя грохнула, упаковала труп в мешок и вот-вот понесу под покровом ночи выбрасывать в колодезь! Пожалей мои нервы, а? Ну хотя бы глаза? Тебе ещё со мной в одной комнате жить и жить, дуреха, одумайся!

Райан О'Мера

Райан не считала, что ей не повезло с соседкой. И в то же время была уверена, что Ирина была далеко не лучшим вариантом для близкой подруги - настолько близкой, чтобы с ней подушками меняться и в кедах путаться. Лучше, чем наихудший вариант, но отнюдь не так хорошо, как могло бы быть при наилучшем варианте, вот такое что-то вырисовывалось.

О'Мера еще за глаза заклеймила свою соседку "ярко выраженным адептом Беспорядка" - и оказалась десять тысяч раз права. Ирина страдала от хронической невозможности сосредоточиться на вещи, которую держала в руках, и донести ее до законного места. Если рыжей нужно было пересечь комнату, держа в руках, скажем, книгу - можно было смело ставить на то, что к концу этой короткой проходки Ирина уже не будет иметь не малейшего понятия, когда книга покинула ее руки и где теперь может лежать.

Были, конечно, и плюсы - в своем бардаке Рейн исправно разбиралась на "отлично", а найти случайно затерявшуюся в чужом порядке вещь для рыжей и вовсе было просто, как сложить два и два. Но Райан, на половину комнаты которой даже карандаш не забредал, не обосновав свое право там находиться, от созерцания такого феерического и вдохновенного бардака у себя прямо под носом, ужасно страдала. И, не имея никакой возможности раз и навсегда навести порядок в чужих

вещах, по вечерам отделялась тем, что пряталась от чужого беспорядка под своей простыней. Тонкая белая ткань неизменно оказывалась для хаоса непреодолимой преградой, и перепутанные друг с другом вещи больше не тревожили глаза Райан.

Зато слух начинали пилить надсадные вопли соседки. Тут уж приходилось менять одну беду на другую. А таблицы, по которым можно сравнивать беды, так никто выпустить и не додумался. Поэтому О'Мера страдала под простыней и неумело пыталась выразить ущерб для глаз и ущерб для слуха в цифрах, чтобы понять, не меняет ли она боль на еще большую боль.

- Но я определенно жива, - возразила ирландка, вздрагивая в такт движениям рук неумной соседки и не спеша выбираться из своего укрытия. - Ты провела эксперимент и отчетливо установила, что твоя соседка на текущий момент трупом не является и вскрытию не подлежит. Теперь ты можешь успокоиться.

Ирина Рейн

Тот факт, что в замечании О'Меры определенно присутствовала логика, успокоиться не помог вообще никак. Ни единым разом. Рейн раздраженно зарычала в ответ и снова затрясла кокон из простыни в надежде, что как-нибудь эдак получится его распутать. Но нет, ткань сползает с прячущегося под ней тщедушного тельца не спешила. Приходилось поневоле признать, что Райан в плетении коконов была как минимум кандидатом в мастера, а то и давно уже мастером.

- Какая мне радость с того, что ты живая, если под всей этой драпировкой тебя от трупа не отличишь? - рассерженно выплюнула Ирина. - А ну как забудешь вовремя пошевелиться? Мне что, каждый раз тебе пульс щупать прикажешь? И вообще, ты в таком виде производишь угнетающее впечатление! Seriously говорю, даже не как призрак - валяешься, как покойник в морге! Номерка на большом пальце ноги только не хватает.

Завершив на этой печальной ноте критиковать внешний вид Райан, Ирина в расстроенных чувствах плюхнулась на свою циновку, мрачно посмотрела на неподвижный белый кокон у противоположной стенки и попыталась дозваться до соседки еще раз: - Дуреха, ну вылезай уже. Я хочу с тобой поговорить, обстоятельно и серьезно. Прошу заметить: лицом к лицу, а не рожой к простыне! Так что давай, заканчивай маскарад. Так жить же невозможно, ну честное, блин, слово.

Райан О'Мера

В конечном итоге Райан все же высунула голову из-под простыни - но вовсе не потому, что доводы Ирины сумели разогнать всех демонов ирландки подобно испепеляющему удару молнии. О'Мера заинтересовалась теми невероятными звуками, которые ее соседка извлекала из своего горла, то восходя к раздраженным взвизгиваниям, то спускаясь к отдающему бешенством рычанию. И Райан высунулась посмотреть, действительно ли в этой комнате с ней разговаривает всего одно горло. Может быть, у Ирины их два. Одно - чистое, хрустально звонкое, которое могло бы быть выковано для певчей канарейки, но по ошибке досталось рыжей бандерше. И второе - суровое, хрипатое горло воительницы, отважной рыжей Сони, боевого видения Роберта Говарда. И сейчас Ирина, разволновавшись, не может остановиться на одном горле и кричит на Райан двумя горлами сразу.

Высунувшись из-под простыни, О'Мера внимательно уставилась на шею Ирины. Что предсказуемо, ничего такого не было видно - шея как шея, никаких следов того, что под тонкой светлой кожей прячется какая-то аномалия. Но Райан и не надеялась,

что ее рыжая соседка носит свое второе горло выставленным на всеобщее обозрение. Такие вещи обычно прячут от окружающих. Это должна быть тайна, трепетная и хрупкая.

- У тебя удивительный голос, - доверительно говорит Райан, укутывая плечи простыней. - Он повинуется тебе беспрекословно, как рабы своему фараону. Как ты это делаешь? Как договариваешься с ним? Может, ты шепчешь по ночам какую-то специальную гимнастику для голоса? Особую мантру для взаимопонимания? Расскажешь мне? Пожалуйста. Мне ужасно-ужасно интересно, откуда люди берут такие гибкие голоса, - и ирландка просяще замерцала умирающей улыбкой. В школе ее за подобные просьбы болезненно щипали, до наливающихся угольной чернотой синяков, и велели катиться прочь со своими фантазиями. Райан не была уверена, что Иринаотреагирует по-другому, поэтому на всякий случай инстинктивно втянула голову в плечи. И дело было даже не в том, что О'Мера считала этот случай достойным попытки. Просто ирландка задала вопрос раньше, чем вспомнила, чем все это для нее раньше оборачивалось.

Ирина Рейн

Не то чтобы было бы лучше, если бы Райан так и осталась прятаться в куче белых тряпок - но появилась ирландка наружу с таким монологом, что уж продолжала бы и дальше под одеялом сидеть, честное слово. Ирина совершенно не ожидала, что её соседка вдруг начисто забудет первоначальную тему обсуждения и бросится щебетать о чем-то о своём. А вот поди ж ты, голос рыжей ухитрился заинтересовать Райан куда круче потенциальной перепалки из-за ежевечерней игры в прятки. Удивительная девка.

Под пристальным взглядом О'Меры Ирина непроизвольно сцапала саму себя обеими руками за шею, словно защищаясь. Было смутное и неприятное ощущение, что Райан, если поднапряжется, может одними только глазами вскрыть собеседнице горло, чтобы проверить, что там за начинка внутри такая укомплектована. Не со зла, ни в коем случае, похожая на цыплёнка ирландка злиться, кажется, не умела вообще. Просто из любопытства. А потом ещё будет удивляться, почему это соседка лежит холодная и неподвижная, разбросав руки в разные стороны, и никак не проявляет желания вставать.

- Что-что у меня с голосом? - недоверчиво поинтересовалась Ирина. И, решив, что ничего такого обвинительного и осуждающего в словах Райан вроде бы нет, пожала плечами: - Да не знаю. Обычный голос. Я за ним таким в очередь не стояла, он мне сам от природы обломился. Да так любой человек своим голосом пользоваться может, это ж такая же деталь организма, как рука или нога! Послушная! Чем он тебя так удивляет, я не пойму? - беспомощно спросила Рейн, с каждой секундой всё сильнее убеждавшаяся в том, что в логику Райан ей, похоже, не въехать. Вообще никак. Слишком сложно, до свидания. Гуманитарную помощь в виде пояснений и расшифровок вряд ли сбросят с какого не то корабля-вертолета.

Райан О'Мера

Горло Ирина тут же прикрыла руками - это, на взгляд Райан, было понятно и объяснимо. Как птицелов никому не отдает редкую птицу, как коллекционер никому не продает уникальный музыкальный инструмент, так и Ирина наверняка не желала расставаться со своим удивительным горлом. А если продемонстрировать его всем встречным-поперечным по первому же требованию, долго оставаться его гордой и единоличной владелицей не получится. Непременно найдется кто-нибудь ловкий,

ушлый, беспринципный, кто с кровью вырвет драгоценные связки из-под белой кожи и даже не извинится.

- Ты имеешь полное право прятать от меня свое горло. Я даже не прошу тебя показать мне его; мне достаточно того, что я его слышу, - яростно закивала Райан, спеша оправдаться перед соседкой; закивала так усердно, что мозг отчаянно и больно замотылялся внутри черепной коробки. - И мне кажется, другого такого в мире нет. А если и есть, то его наверняка прячут от зевак, хранят как ценный экспонат и позволяют заинтересованным людям услышать его звучание только за бешеные деньги. Ты же расточаешь свое горло направо и налево совершенно бескорыстно. Скажи, это больно - каждый день понемногу расставаться с таким необычным голосом? Ты звучишь так, словно в тебя вложили двойной набор голосовых связок, - ощущаешь ли ты их сама? Свободно ли они помещаются в твоей груди?

Ругаться, щипаться и пинаться Ирина не спешила, пока что реагируя на вопросы вполне мирно, и поэтому Райан с каждым словом потихоньку расцветала, начинала щебетать все звонче и потихоньку выползала из-под простыни, начиная вполне отчетливо тянуться к своей рыжей соседке. О'Мера мало-помалу формулировала для себя мысль - пока еще даже не словами, скорее, на уровне одних лишь ощущений - что ее соседка представляет собой исключение исключений, непредсказуемость в необъятной степени. Что никакими правилами описать Ирину нельзя, можно только вслепую делать шаг вперед и ожидать приговора - была ли клетка, на которую ты шагнул, безопасной.

Ирина Рейн

Хотелось сесть, взяться за голову и завывать. В беседе с Райан Ирина то и дело ощущала себя беспомощной и косноязычной. Как будто еще и неясно было, кто из них двоих психически здоров, а кто наоборот, нехило так душевно покалечен. Поскольку Рейн уже сидела, пришлось ограничиться тяжелым вздохом с закатыванием глаз. И попытаться осторожненько так, без резких движений, развеять иллюзию соседки и аккуратненько так заломать ее очередные выдумки.

- Да ничего такого я не прячу, - возразила Ри, заставляя себя убрать руки от шеи и не имитировать больше то ли защиту от клыков бешеной собаки, то ли просто самоудушение. - Только сомневаюсь, что тебе будет интересно на это любоваться. Вот, гляди: глотка как глотка, никаких дополнительных клапанов не вмонтировано, - пытаюсь провести максимально наглядную демонстрацию, Ирина повертела башкой вправо-влево, чтобы у Райан была возможность более-менее рассмотреть ее шею со всех сторон. Видишь? Никаких лишних запчастей. Ты еще скажи, что у тебя самой вместо голосовых связок - трогательный канарейкин колокольчик присобачен. Ведь нет же такого? - усомнилась Рейн. - Не похожа ты, подруга, на чудо заморской техники.

Впрочем, любая, даже самая дикая беседа, с хрустом выкручивающая Ирине мозг, определенно окупалась - Райан окончательно выпуталась из простыни и начинала потихоньку идти на контакт. Хорошо бы еще - начинала привыкать к Ирине. В конце концов, им двоим еще в одной комнате фиг знает сколько времени жить. Пора бы уже установить нормальные, дружеские - насколько это в контексте Райан вообще возможно - отношения.

Райан О'Мера

Ирина не злилась - и это казалось Райан необъяснимым. Такой фактор, как

откровенно взрывной характер Ирины, вплетаясь в привычное социальное уравнение, непременно должен был приводить к катастрофе. К новому извержению Везувия. К безжалостной атаке на хрупкие Помпеи, стены которых, давно разрушенные для всего остального мира, робко поднимались у Райан внутри. Однако атака всё не начиналась - и О'Мера начинала сомневаться. То ли на Ирине осекалось и сбоило привычное уравнение, то ли в дополнение к характеру в случае Ирины требовалось брать некий дополнительный, множащий случайности фактор. Впрочем, был ещё и третий вариант, приводивший Райан к выводу, который в случае с Ириной напрашивался уже неоднократно и потому претендовал на то, чтобы быть истиной. Мудрость толпы не ошибается, голосование деревьев классификации неумолимо склоняет к тому, что Ирину классифицировать нельзя. Можно попытаться понять её и научиться угадывать. Но расчертить на векторы и разлить в цифры, словно в ёмкости - невозможно. Если Ирина и войдёт в уравнение, то будет в нём тем самым случайным эпсилоном, который способен поломать любую стройную закономерность и привести к самым что ни на есть диким выбросам.

- Я, скорее, выкидыш заморской техники. Мне кажется, что меня собирали по частям из тех деталей, которые никому больше не приглянулись, - грустно сказала Райан. - Мне достались руки, которые годятся лишь для того, чтобы украшать их росписью, они больше подходят не человеку, а тотему. Я получила сознание, в котором царит египетская тьма, и только под чёрным небом у одинокого костра Майкл Джексон отплясывает свою "Билли Джин", и его песня звучит дико, пьяно и отчаянно. Это сознание должно лежать в музее, выставляться в кунсткамере; оно не функционально, неприменимо! Почему бы мне не могли вложить и канарейкин колокольчик в горло? Если бы все от него отказались - я думаю, мне он был бы в самый раз! - ожесточенно сказала Райан. И принялась раскачиваться на циновке взад-вперед, ритмично и яростно колотя себя предплечьем по голове. Осознание собственной неполноценности, как всегда, причиняло боль; эта была мысль, с которой О'Мера ничего не могла поделать, но так и не сумела смириться.

Ирина Рейн

Рейн никак не ждала, что попадет своим легкомысленным вяком соседке в больное место - но, очевидно, попала. Райан тут же перестала щебетать, зябко скукожилась и начала увядать на глазах. А потом вдруг занялась самобичеванием, да с такой страстью, что аж Ирине стало больно от словно бы покотившейся от Райан волны горечи.

Рыжая растеряннно поежилась. Утешитель из Ирины всю ее сознательную жизнь был откровенно хреновый. В случае с Райан пытаться говорить утешения было страшно вдвойне. Невольно создавалось впечатление, что девчонка вся - одна сплошная рана, не знаешь, куда пальцем ткнуть, чтобы ее не скрючило. Но страхи страхами, а оставлять дело в таком виде было нельзя. Она же до сотрясения мозга так однажды достучится, дуреха.

Подорвавшись со своей циновки, Ирина опустилась на колени рядом с Райан. И первым делом вцепилась в ритмично ходящую вверх-вниз тоненькую ручонку, надежно ее фиксируя и мешая девушке лупить саму себя по голове. После чего Рейн, неловко нашаривая слова, попыталась утешить соседку: - Да не драматизируй ты. Я понимаю, конечно, что сейчас это хреново прозвучит, но ты уникальная. Ну честное, блин, слово, ты дичайше особенная! Я никогда с такими, как ты, раньше не общалась. И знаешь, сижу сейчас вся в мурашках. Ты такие вещи говоришь, что

многим писателям и не снились. Будь я поусидчивей, я бы за тобой с блокнотом ходила и в рот тебе заглядывала! И каждое слово бы конспектировала, чтобы потом перечитывать и балдеть! Ну-ну-ну, не плачь, цыпленок ты беззащитный! - и, не зная, как еще, какими еще словами можно успокаивать психующую девушку, Рейн совершила поступок, который ей самой казался жестом на грани риска и дури - крепко обняла Райан. Прижала к себе, погладила по волосам и принялась осторожно покачивать вправо и влево, словно баюкая. Смотрелось со стороны, наверное, глупо - но Ирина сейчас об этом как-то совсем не думала. Время краснеть и охать будет потом.

Райан О'Мера

Когда Ирина вскочила, Райан съежилась так, словно пыталась втянуть в себя руки и ноги, как под панцирь, опрометчиво решив, что уж сейчас-то ее точно стукнут разок-другой, чтобы не ныла. Ирина же в очередной раз поломала все шаблоны и ожидания, доказав, что не желает соответствовать тому, что о ней думают, и тем представлениям, которые о ней рисуют. В глазах Ирины - которые вблизи неожиданно оказались вовсе не черными и не карими, а синими, как предгрозовое небо - словно что-то сломалось, треснули защитные стекла выставленной напоказ витрины, а за ними обнаружилась доселе бережно спрятанная от окружающих нежность. И хлынула на Райан оглушительным Ниагарским водопадом, от которого было не спрятаться и не защититься, а оставалось только в нем захлебнуться.

О'Мера доверчиво захлебывалась. Неловко обнимала Ирину в ответ, а в рот, проскальзывая между разъехавшихся в дурацкой счастливой улыбке от уха до уха губ, лезли рыжие волосы, казавшиеся слишком тонкими и мягкими для горластой скандалистки. Райан утыкалась носом в рыжую гриву и ощущала странное желание рассмеяться и зареветь одновременно, и ничего внутри не подсказывало, какому из этих желаний следует следовать в первую очередь - маятник застыл четко посередине, не желая ни на долю изменить оси и указать верное направление.

Житейский опыт свидетельствовал в пользу того, что, обретая хорошего друга, люди обычно улыбаются, а не плачут. Повинуясь этой подсказке, Райан рассмеялась было - и тут же, словно они только и ожидали команды "на старт!", из глаз сами собой хлынули слезы. О'Мера плотнее прижалась лицом к плечу Ирины, намереваясь, видимо, проплакать рыжую насквозь, и кое-как пробормотала сквозь слезы: - Вот видишь, у меня внутри даже барометр хандрит. Должно быть "ясно", а он вопреки всему велит устраивать бурю. Ты не знаешь, его где-нибудь можно поменять? Может, его примут в ломбарде? Может, на вырученные деньги получится купить мне другой, социально грамотный барометр?

Ирина Рейн

Рейн и сама была на грани того, чтобы сентиментально, сопливо разреваться - от того, как доверчиво и трогательно тоненькое тельце Райан свернулось калачиком у рыжей под руками. И правда, цыплёнок. Где-то потерявший наседку-маму и теперь пропадающий.

- Не нужен тебе никакой барометр, - с подозрительно хрюкающим звуком Ирина шмыгнула носом. И, продолжая обнимать Райан, посулила: - У тебя теперь я есть. А мне никакие навороченные барометры в подметки не годятся. Я как Карлсон, но лучше не только собаки, а вообще много чего. Ну, не плачь, дурочка! А то сейчас я зареву тоже, за компанию. И совместными усилиями мы утопим комнату. И нас за это приговорят к пожизненному дежурству по монастырю. Оно нам надо? Да вот

вообще не упало. Так что убирай давай с лица сырость. Зачем нам реветь? У нас всё отлично с тобой! - и рукавами своей водолазки Ирина попыталась стереть со щёк Райан слёзы. Синтетика похрустывала под пальцами и влагу впитывала из рук вон плохо. Но Рейн старалась. И тепла бледные щеки Райан, пока на них не стало проступать нечто похожее на здоровый радостный румянец.

- А если тебя кто-нибудь вдруг будет обижать, так ты не стесняйся, сразу мне говори, - продолжила развивать мысль Ирина. - Я на весовую категорию не посмотрю, и неважно, кто там будет. Я этим обидчикам руки вырву и в задницу вставляю. Потому что тебя никто обижать не смеет. Ты же беззащитная совсем, ребёнок! Так что, в случае чего, всегда помни - я у тебя есть. И не бойся ко мне обращаться. Слушай, если ты сейчас не прекратишь разводить сырость, я тебя в простыню закатаю для просушки! - возопила Рейн. И опасно скривила дрожащие губы, пытаясь не последовать примеру Райан и не заплакать тоже от какой-то неожиданно невыносимой трогательности ситуации.

Райан О'Мера

Райан слушала Ирину и, даже не пытаясь унять слезы, всхлипывала. От того, как старательно рыжая распиналась, доказывая, что она прекрасный друг и замечательный товарищ, почему-то становилось только печальнее. Хотя, наверное, надо было развеселиться. Ирина тарыхтела, как пулемет, роняла беспорядочными ершистыми осколками грубые, непричесанные слова, то опускала голос до звучного почти-баса, то взмывала голосом куда-то вверх, к потолку и выше, оба горла вкладывая в свою речь - по всему выходило, что это должно было быть забавно. Но отчего-то не было. Даже самой Ирине, подозрительно хлюпающей носом - не было.

- У тебя тоже барометр тот еще, - пробормотала Райан, не отрываясь лицом от плеча Ирины и бессовестно зажевывая рыжие волосы при каждом слове. - Он тоже ведет тебя куда-то не туда. И мы вот-вот вдвоем торжественно уйдем совсем не в те дебри. Но ты должна быть права, у нас все хорошо. И нас никто-никто не обижает. Я в этом плане здесь никому не нужна. Так что спасибо тебе, но никого начинять их же руками не придется. Этого в любом случае не надо бы было делать, - помотала головой Райан, при каждом размашистом движении стукаясь виском об угловатую и почему-то словно бы острую челюсть Ирины. - Ты же хорошая. Не спускайся к тем, кто говорит на языке вырванных рук и сломанных ног. Ты ведь говоришь со мной без этого? и так славно говоришь! Зачем тебя все время тянет говорить кулаками? - шмыгая носом, удивилась О'Мера. Ирина словно бы не только имела два горла, но и имела два сердца, как галлифрейский лорд, и каждое сердце отвечало за свою любовь. В частности, то основное сердце, которое Ирина носила напоказ в толпе, постоянно нагруженное и стойкое, как солдатик не оловянный, но титановый, - в нем говорила беззаветная любовь к ссорам и склокам. И непохоже было, чтобы рыжая желала хоть как-то эту любовь в себе усмирить.

Ирина Рейн

- У меня отличный барометр! Роскошный! - тут же уперлась Рейн, которая терпеть не могла, когда её критиковали по какому бы то ни было поводу. Саму себя рыжая могла хаять сколько угодно - но так то саму себя. Всем остальным вход на эту территорию был строго-настрого запрещён. Даже такому откровенно беззащитному созданию как Райан, которая заведомо больно не ткнет и сильно не укусит. - Чего ты в нем понимаешь? Он охрененный. Всегда показывает "ясно" и никуда не рыпается. Ценю его за непреклонность. Это совсем не то, что твоя стрелка психованная, во

все стороны мечется, - ляпнула Ирина, как-то совершенно не подумав о том, что Райан от такого заявления может опять болезненно скрючиться, и поминай как звали. Кто-то сеет, кто-то пашет, а ты давай начинай опять сначала, уговаривай воробья не душить и вылезти из-под крыши.

- И вообще, что я только что говорила насчёт слез? - Ирина обличающе ткнула пальцем в мокрые дорожки на щеках Райан. - Ну, держись, родная. Сама напросилась. Начинаю ликвидацию водопада! - провозгласила Рейн. Крепко ухватилась за простыню и принялась заматывать Райан в полосу белой ткани, как в плед, норовя почаще захватывать краем простыни мокрые щёки и вытирать девушке слёзы. Нахрена вообще было возвращаться к тому, с чего все начиналось, рыжая внятно объяснить не могла. Но раз уж угрожающе пообещала, надо было исполнять. Орудую простыней, Ирина словоохотливо поясняла: - Вот и неправильно говоришь. Это тебе ни к чему язык кулаков, ты им совсем пользоваться не умеешь. А я на нем с народом отлично разговариваю. И, поверь на слово, иногда слова до людей доходят быстрее, если они приправлены хорошим пинком. Истинно, блин, тебе говорю. Я знаю. Сама такая.

Райан О'Мера

Причинно-следственные связи в голове у Райан беспощадно барахлили, не желая работать как должно и протягивать тонкие тропинки логики между явлениями. И сделать совсем коротенький переход между требованием Ирины не реветь и своими слезами всё никак не получалось. О'Мера продолжала по инерции хлюпать носом и позволяла рыжей размашисто вытирать ей лицо простыней.

- Да. Я во внутренних барометрах ничего не понимаю. Они для меня - роковая загадка человеческого организма, - легко согласилась Райан. Слова Ирины сейчас не прозвучали обидной болью, просто беззлобно повторив то, что минуту назад констатировала сама ирландка. И потом, О'Мера с удивлением обнаруживала, что, несмотря на крикливую бесцеремонность и порой даже грубость, обижаться на рыжую оказывалось сложно.

Да и вообще затруднительно сердиться на человека, который не так давно пообещал по первой же твоей жалобе анально покарать хоть самого Голиафа.

- Твои намерения мечутся, как стрелка флюгера в ураган. Ты же сама начинала с того, что хотела извлечь меня из простыни! - укоризненно сказала Райан, уворачиваясь от мечущихся рядом с ней оголтелыми чайками рук Ирины, но не слишком в этом преуспевая. - Теперь ветер твоей решимости дует в противоположную сторону? И несёт тебя совершенно на другой полюс?

Замечания Ирины про язык кулаков и пинков Райан предпочла оставить без комментариев. В этой, полностью чуждой ей теме ирландка заблудилась бы быстрее, чем Гензель и Гретель в ночном лесу. Ирина же говорила и судила так уверенно, словно изучала этот агрессивный язык на собственной шкуре. В диалоге с ней, пожалуй, и более разбирающийся человек бы не выстоял.

Ирина Рейн

Спорить с Райан в этом отношении было невозможно: действительно, с чего начали, к тому и приехали, против такой правды не попрешь. Но Ирина и не собиралась с пеной у рта отстаивать свою правоту. Было у рыжей в голове такое мнение: когда невозможно спорить - не спорт. Молчи и делай по-своему. Вот и сейчас Рейн, не разминиваясь на вопли, крики и дискуссии, продолжала, не раскрывая рта, орудовать простыней. Самое сложное было в том, чтобы не увлечься и не

забинтовать Райан как мумию, вместо того чтобы попытаться восстановить тот уютный кокон, с которого всё и начиналось.

Уютного кокона у Ирины, будем честны, так и не получилось. Вышло нечто, отдалённо похожее на обмотки бедуина, и только. Ничуть не расстраиваясь из-за этого, свободный конец простыни рыжая художественно накинула соседке на голову, как капюшон. Вполне удовлетворившись конечным результатом, Ирина плюхнулась на циновку рядом с Райан, блаженно вытянула ноги, затекшие от долгого сидения на корточках, и щедрым жестом предложила: - Ну так что? Мир, дружба, жвачка? И больше никаких слезливых водопадов между нами? Можем мы с тобой заключить такой договор? Что скажешь?

Саму Ирину такая формулировка устраивала более чем. Слез с её стороны не ожидалось, так что тут она себя ни в чем не ущемляла. А неподъемным налогом на жвачку худенькая ирландка её вряд ли обложит, поэтому и тут никаких проблем. Осталось только саму Райан убедить в том, что такой дружественный союз - мечта всей её жизни.

Райан О'Мера

Отбиться от Ирины было невозможным. Рыжая, наверное, могла и бурю себе подчинить, когда ей хотелось. Смирившись с тем, что ее сейчас задрапируют в простыню по самые уши, Райан тихо с этим смирилась, не мешая соседке творить. И в конце концов с удивлением обнаружила, что у Ирины получилось скрутить весьма уютный кокон, гораздо лучше того, что получался у самой ирландки. Даже легший на макушку смешным и нелепым козырьком угол простыни казался очень забавным и милым, почти домашним.

- Ты уверена, что тебе никогда не приходилось никого так заботливо укутывать в одеяло до меня? - неловко уточнила Райан. - У тебя замечательно получается. Я бы попросила тебя укутывать меня одеялом на ночь каждый вечер, если бы это не было наглостью, от которой величественный Нил способен споткнуться и повернуть вспять. Ты была бы замечательной старшей сестрой. И не менее замечательным старшим братом. Скажи, у тебя нет младших младших родственников? Неужели ты ни на ком не проходила предварительный краш-тест?

Как заключаются дружественные договора, Райан понятия не имела. Ей подобных вещей до Ирины никто не предлагал, даже отнесшиеся к ирландке с ласковой теплотой Ровена и Финехас ни о чем таком не упоминали. О'Мера, нервничая из-за того, что снова вступает на зыбкую почву и вот-вот может оступиться, пугливо втянула голову в плечи, скрываясь под коконом из простыни так, что наружу торчал один только кончик носа. И нерешительно уточнила: - Договор? Его обязательно заключать, чтобы дружба состоялась? Разве мы воюющие державы и не можем обойтись без пакта о ненападении? Обязательно ли скреплять теплую неформальную дружбу ледяным официозным соглашением?

Ирина Рейн

Ирина и не подозревала о том, что в ней заложен скрытый талант к пеленанию великовозрастных девиц. И на вопрос Райан ответила предельно серьезно: - Мне даже в детстве резинового пупса запихивать в штанишки не доверяли, какие уж там младшие родственники. Ты мой первый опыт. Так что подавай сигналы, если что не так. А то я ж могу, причём не в самом хорошем смысле. Могу спеленать тебя как мумию - не выберешься, причём это всё будет не со зла, а чисто по незнанию.

"Краш-тест", скажет же тоже. Хотя Ирине с ее любовью к черному юмору

понравилось - Рейн хохотнула и одобрительно похлопала Райан по колену. Мол, жги словом дальше, подруга, у тебя отлично получается. Продолжай в том же духе. И вообще, за очень короткое время Ирина начала завидовать вдохновенному языку ирландки - та, не срываясь на грубости и оставаясь в рамках приличий, порой порождала достойные восхищения перлы.

- Да не, почему сразу обязательно... можно и без этого всего! Без договоров! - сказала Рейн, с досадой на саму себя кусая губы. - Просто... ну, мне показалось, что тебе так будет легче, понимаешь? Если не хочешь - не надо. Мне-то, если честно, по барабану, заключим мы там чего или не заключим. Я для себя уж решила, что ты мне нравишься и я хочу с тобой дружить. А всякие громкие договоры и соглашения, они так, для спокойствия. Если тебе ничего такого не надо, то я тем более без всей этой мишуры прекрасно обойдусь. Ну так чего?

В сухом остатке получалось, что рядом с Райан рыжая стабильно чувствовала себя не в своей тарелке - только вроде бы начинала все понимать и ко всему привыкать, и вдруг какой-нибудь случайный выстрел опять следовал откровенно мимо и все портить. Вот казалось же: поняла, сообразила, как с Райан себя вести и как говорить. Неа, ни черта подобного, опять до понимания еще тащиться и тащиться.

Райан О'Мера

- Все в порядке, - энергично замотала головой Райан, больше всего боявшаяся обидеть Ирину и признать ее труд неудовлетворительным. - Конечно, я не могу сказать, что ты соорудила мне пуховое ложе на тридцати и еще трех матрасах - но я определенно не мумия. Мои руки и ноги свободны в достаточной степени. Я не иссохну в беспомощном одиночестве, если ты уйдешь и забудешь размотать меня обратно. У тебя определенно получилось отлично для первого опыта.

В этом месте О'Мера неловко замолкла, не уверенная, что дальнейшие похвалы не будут звучать как издевка; не уверенная даже в том, что уже не наговорила лишнего. Отмерить точно необходимое число слов, не ошибаясь, ирландке всегда было сложно - слова сыпались из нее градом, как горошины из порванного мешка. Не хватить лишнего было почти невозможно. Как бы ни старалась Райан вовремя испуганно замолкнуть - уловить требуемую отметку вовремя почти никогда не получалось. Ирина и здесь оказывалась исключением из ряда. Ей, кажется, на уместное или неуместное количество слов было попросту наплевать. И тем не менее, Райан не желала испытывать судьбу и засыпать едва обретенную подругу ворохом слов.

- Но если ты сама говоришь, что это мишура, зачем же дополнительно вешать ее на наши отношения? - возразила О'Мера, в кои-то веки не столько пытаюсь разобраться, сколько доказывая. - Мне не нужно как легче. Я хочу, чтобы было как правильно. Если дружба обходится без договора, на одних только теплых решениях, то давай без них обойдемся. Не думай, что это станет для меня неподъемной тяжестью. Я ведь должна научиться справляться с такими тяжестями, верно?

Ирина Рейн

"Спокойствие" - неправильное слово, думала Ирина, глядя на то, как Райан старательно доказывает ей, что соглашения между друзьями лишние и только все портят. Оно точно не из этой пьесы - хотя бы потому, что они с Райан вкладывают в это слово абсолютно разные значения. Для Ирины спокойствие - это когда рядом никто не грузит мозг, не творит ежечасно неведомую чухню и не напрягает рыжую, раздувая проблемы из пустяков. Рядом с Райан, очевидно, об этом понятии можно

было забыть. Хрупкая ирландка едва ли не олицетворяла собой то, что неизменно доставляло рыжей беспокойство. Да и вообще глупо пытаться подходить к Райан со своими мерками, по ней же издалека видно, что ни в какой шаблон она не поместится, ни при каких обстоятельствах.

- Ну, знаешь ли, у каждого свое видение, - пояснила тем не менее Ирина, решив, что попытаться разъяснить Райан свою позицию будет как минимум не лишним. - Для кого-то это, как и для меня, просто слова, которые мне на уши наматывают сверх меры. Мне вот достаточно, что я решила: ты - мой друг. И тыщу разговоров сверх этого мне разговаривать не нужно. а есть люди, которым наоборот, поверх решения нужна еще сотня гарантий и подтверждений. Если тебе всего этого не нужно, то я только рада. Я тебя и без всяких там договоров любить буду. Ты слишком прикольная и обаятельная для того, чтобы можно было тебе сопротивляться, - заявила Рейн. И решительно обняла Райан прямо поверх простыни, ставя тем самым точку в затянувшихся переговорах и ничуть не смущаясь тем, что с прижатыми к телу руками ирландка никак не сможет обнять ее в ответ. На фоне того, что они с этой хрупкой дурочкой наконец начали друг друга более-менее понимать - это все фигня мизерная.
